

УДК 94(57): 94(517.3)

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна –*д.и.н., доцент; ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.**670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
kalminal@gmail.com***ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна –***д.и.н., доцент; старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.**plehanova.am@mail.ru*

ЗАБАЙКАЛЬЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В 1900–1920-х гг.: СМЕНА ВЕКТОРА

TRANSBAIKAL REGION IN THE RUSSIAN STATE GEOPOLITICAL STRATEGY IN 1900–1920s: CHANGE OF THE VECTOR

Значение геополитического положения Забайкальского региона было осознано Россией еще в XVII в., что выразилось в заключении первого русско-китайского мирного договора. Для укрепления позиций империи при освоении Приамурья в 1851 г. была создана Забайкальская область с центром в Чите. Транссибирская магистраль закрепила за Читой роль административно-территориального и социально-экономического лидера Забайкалья, которую она успешно играла до второго десятилетия XX в. Обретение Монголией независимости после Синьхайской революции и стремление России втянуть ее в орбиту своего влияния изменили вектор геополитической стратегии России в Забайкалье. Предполагающееся строительство Кяхтинской железнодорожной ветки через Монголию до Пекина и соединение ее с Транссибом в районе Верхнеудинска выдвинули на передний план Западное Забайкалье, бывшее раньше периферийной территорией, и его административный центр г. Верхнеудинск. В 1920-е гг. в геополитической стратегии Советского государства роль национального автономного советского административно-территориального образования Западного Забайкалья – Бурят-Монгольской АССР – как «плацдарма мировой революции на буддийском Востоке» значительно возросла.

Ключевые слова: геополитический фактор, административно-экономический центр, географическое положение, экономическое районирование, Бурят-Монгольская автономия

Geopolitical significance of the Transbaikal region had already been realized by Russia since the first Russian-Chinese peace treaty signed in the 17th century. In order to strengthen imperial position in the Amur Region Baikal Oblast with Chita city as the capital was organized. Transbaikal railway entrusted the role of administrative-territorial and socio-economic leader in Transbaikal region on the Chita city, which it performs up to the second decade of the 20th century. Gaining independence by Mongolia after the Sinkhai Revolution and Russia's desire to draw Mongolia into the orbit of its influence changed the vector of Russian geopolitical strategy in Transbaikal region. Expected construction of the Kyakhta railway through Mongolia to Peking and its connection with the Transsiberian railway nearby Verkhneudinsk placed the Western Transbaikal region with Verkhneudinsk as its centre on the front line. In 1920s the role and importance of Soviet autonomous national administrative unit of Western Transbaikal territory, Buryat-Mongolian ASSR, as the factor in state geopolitical strategy of Soviet Russia and the base of world revolution in the Buddhist East had considerably increased.

Keywords: geopolitical factor, administrative-economic center, geographical position, economic territorial division, Buryat-Mongolian autonomy.

Роль геополитического фактора в первоначальном освоении и последующем историческом раз-

витии Забайкалья неоднократно становилась предметом профессионального интереса ученых [Артемьев 1995: 136-

137; Мерцалов 2008: 26–33]. Начиная с XVII в. и до середины XIX в. Забайкалье рассматривалось как целостное пространство, как «историческая площадка» для утверждения России в Приамурье. Территория, из-за незначительности демографического ресурса быстро исчерпавшая в этом плане свой потенциал, в середине XIX в. обрела второе дыхание. Создание в 1851 г. Забайкальской области стало результатом реализации государственного проекта, вызванного к жизни геополитическими реалиями, актуализировавшими историческую необходимость присоединения Приамурья. Решение данной задачи потребовало перестройки административно-территориальной и социально-экономической организации Забайкальского региона с одновременным возведением Читы в ранг областного центра. Только этот населенный пункт в силу своего выгодного географического положения – в начале Амурского бассейна – мог обеспечить функционирование всей территории за Байкалом как единого целого [Мерцалов 2008: 29; Мерцалов 2012: 3]. Выполнив историческую миссию формирования плацдарма для утверждения Российской империи в Приамурье, Забайкалье заметно замедлило социально-экономическое развитие в сравнении с «передним краем», для которого оно обеспечило надежный тыл. Приамурский генерал-губернатор Н. Продеков, проехав в 1899 г. с инспекционной поездкой Забайкальскую область, с сожалением констатировал, что она далеко отстала «на пути культурного самосовершенствования и развития не только от Европы, но даже и от ближайшего своего соседа – Приамурья»¹.

Транссибирская магистраль вдохнула новую жизнь в Забайкальский регион, одновременно перераспределив функции городов, претендовавших на роль административно-экономических центров отдельных территорий Забайкалья: «убила Кяхту и сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром, к которому тяготели забайкальские города» [Воробьев 1959: 88]. Оказавшийся в стороне от магистрали Нерчинск, бывший неформальным

лидером Восточного Забайкалья задолго до обретения Читой статуса столицы области, также стал стремительно утрачивать свое экономическое значение. Выгодное географическое положение Верхнеудинска – на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебного района – позволило ему стать важным транспортным узлом и крупным торгово-распределительным центром, снабжавшим Западное Забайкалье всеми привозными товарами. Однако, несмотря на возросшую экономическую роль, в «табели о рангах» сибирских городов он оставался городом «второго плана». «Угнетенный» ранее Иркутском и Кяхтой, которые стягивали на себя китайскую и значительную часть внутренней торговли Западного Забайкалья, он, в свою очередь, оказался «зажатый» между Иркутском и стремительно прогрессирующей Читой, имевшей, по прогнозам современников, большое будущее как географический и административный центр области [Солдатов 1912: 9].

После Русско-японской войны, наглядно продемонстрировавшей слабость экономического развития восточных рубежей империи и потребовавшей решительных действий по их укреплению, геополитическая роль Забайкалья как связующего звена между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и центральной Россией, а также Читы как его административного центра обещала еще более возрасти. Однако последующие события сместили акценты в определении значения западной и восточной частей Забайкалья во внешнеполитической игре империи.

Синьхайская революция и объявление Монголией независимости вызвали большой интерес в России, осознававшей важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке [Старцев 2003: 92]. Для усиления позиций России во Внутренней Азии предполагалось интенсифицировать железнодорожное строительство, в частности провести Кяхтинскую ветку железной дороги, которая у Верхнеудинска должна была соединиться с Забайкальской железной дорогой с перспективой про-

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 10847. Л. 64.

ведения ее через Монголию до Пекина¹. Проведение ветки позволяло не только обеспечить успешную конкуренцию с другими странами в экспорте в Монголию российской мануфактуры, но и полностью вытеснить с монгольского рынка мануфактуру нероссийского производства и в дальнейшем установить монополию на ввоз металлоизделий и домашней утвари, а также способствовать прочному обоснованию там русских золотопромышленников. Кяхтинская дорога также рассматривалась как звено, соединяющее Россию с монгольским рынком. С этого момента Верхнеудинск, будучи предполагаемым местом стыковки Кяхтинской ветки с Транссибом, стал теснить Читу, на протяжении нескольких десятков лет служившую организатором забайкальского экономического и геополитического пространства. Об этом говорит и итог 10-летней борьбы уездного Верхнеудинска и административного центра области Читы за дислокацию железнодорожных мастерских: вопрос, который при его кажущейся «местечковости» был настолько принципиален, что рассматривался в Государственной думе. Вряд ли в обоих городах подозревали, что за их внутренним прагматическим интересом удержания массового платежеспособного потребителя стоит сложная комбинация создания самодержавным государством опорных пунктов для установления своего влияния во внутриазиатском пространстве. В попытке переиграть соперника городские власти Верхнеудинска подкупили членов Инженерного совета для представления депутатам Думы желаемого заключения². Однако им не стоило так тратиться: и без этих затрат решение было бы принято в его пользу. Было очевидно, что из-за относительной близости монгольской границы Верхнеудинск представляет собой более удобное место для строительства машиностроительных и вагоностроительных заводов, которые в перспективе будут обслуживать проектируемые южные железнодорожные ветки. В то же время стало ясно, что концентрация торгово-промышленных

предприятий в Чите была следствием дислокации здесь Управления по постройке западного участка Амурской железной дороги, и с окончанием строительства и переводом Управления из Читы город ожидает падение экономического влияния³.

Таким образом, во втором десятилетии XX в. изменился вектор геополитической стратегии самодержавия в регионе. Западное Забайкалье, бывшее ранее периферийной территорией, вышло на передний план и стало позиционироваться как центр внешнеполитической игры, предполагавшей утверждение России в Монголии.

Практическое воплощение геополитических замыслов империи по вовлечению Монголии в орбиту своего влияния посредством превращения Западного Забайкалья в самодостаточный в экономическом плане регион было прервано революционными событиями 1917 г. После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции молодому Советскому государству, оказавшемуся в состоянии фактической блокады со стороны стран Запада и конфронтации со всеми мировыми державами, необходимо было при помощи кардинальных мер решать проблему обеспечения защиты границ, особенно в связи с высокой вероятностью новых военных конфликтов. Именно поэтому укрепление восточных районов страны на основе форсированного экономического роста вновь стало одной из приоритетных задач новой советской власти. В результате планы самодержавия по созданию в Западном Забайкалье зоны экономического роста были положены в основу развития молодой советской Бурят-Монгольской республики, образованной в мае 1923 г. Восстановление разрушенного в годы социальных катаклизмов хозяйства и последующий подъем экономики республики должны были, демонстрируя народам Востока успехи социалистического строительства, вовлечь их в орбиту советского экономического, политического и идеологического влияния.

Особое геополитическое положение республики позволило ей сохранить статус национальной автономии, когда

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2256. Л. 49-51.

² ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2256. Л. 49, 51; Д. 2819. Л. 1.

³ Там же. Д. 2256. Л. 55-56.

в центре стал разрабатываться вопрос о новом экономическом районировании и включении БМАССР совместно с Иркутской и Забайкальской губерниями в состав Ленско-Байкальской области.

Руководство республики, выступив категорически против вхождения республики в состав проектируемой области на правах округа, выдвинуло, наряду с аргументами экономического характера, также и геополитические. Наиболее обстоятельно данная точка зрения была сформулирована заместителем председателя Госплана республики Н.Н. Козьминым: «Республика имеет определенное политическое задание и положение в Союзе... она не может играть роль лишь материала для тех или иных построений. Повернутая политически лицом к Монголии, входящей в сферу жизни советских республик, и Центральной Азии, куда протягиваются нити весьма реальных отношений, вплоть до окраин Тибета, она является существенным элементом государственной жизни Союза» [Козьмин 1924: 3-4]. Стремясь найти поддержку в центре, руководство республики обратилось за помощью в Народный комиссариат иностранных дел СССР, подчеркивая особую геополитическую роль БМАССР в Центрально-Азиатском регионе. Советская внешнеполитическая доктрина заключалась в экспорте революции в страны Центральной Азии и дальнейшем присоединении их, в случае успеха, к будущей Всемирной республике Советов. Бурят-Монгольской АССР в этой политике отводилась роль «форпоста социализма» и «плацдарма мировой революции на буддийском Востоке», поскольку считалось возможным использовать национальный фактор — общность языка, истории, религии и культуры, а также наличие стремления к единению монгольских народов, в т.ч. бурят, для осуществления задач мировой революции. Монголия же рассматривалась как трамплин для экспорта революции в Китай и далее по всей Азии.

Поддержка НКВД СССР руководства Бурят-Монгольской республики предопределила судьбу Ленско-Байкальской области. 12 июня 1925 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил

письмо И.В. Сталину, в котором доказывал, что создание бурят-монгольской государственности в пределах самостоятельной Советской республики имело целью позитивное влияние СССР на народы Дальнего Востока. По мнению наркома, ограничение национальной автономии неизбежно произвело бы отрицательное впечатление на народы и правительства Монголии, Тибета и др. и сорвало бы наметившиеся интенсивные культурно-хозяйственные связи Бурят-Монгольской Республики с Монгольской Республикой. Наркомат иностранных дел выступил категорически против вхождения Бурят-Монгольской Республики в состав Ленско-Байкальской области и считал политически необходимым сохранить за БМАССР статус автономной республики с учетом того громадного значения, какое имел факт ее существования для всего буддийского Востока¹.

Точка зрения наркомата иностранных дел стала решающей при отказе от идеи создания Ленско-Байкальской области. Интересы внешней политики, вытекавшие из актуальных на тот момент целей «мировой революции» на Востоке и в Центральной Азии, и особая геополитическая роль, отводимая в ней Бурят-Монгольской автономии, оказались выше.

Таким образом, реализация геополитической стратегии самодержавия в Забайкалье, изменившей свой вектор во втором десятилетии XX в., была возобновлена Советским государством в 1920-х гг. И если в дореволюционный период в основе данной стратегии лежали экономические и политические мотивы, то в советское время она дополнительно приобрела идеологическое звучание, актуальное для воплощения большевистской идеи мировой революции.

Исследование проведено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 33.2.2 «Экономическая модернизация Западного Забайкалья (1880–1930-е гг.)».

¹ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 715. Л. 58.

Литература

Артемьев А.Р. 1995. Нерчинск и Нерчинский уезд в геополитике царской России XVII–XVIII вв. – *Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения)*. Материалы конференции. Чита, 30 июня – 6 июля 1994 г. Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского. С. 136–137.

Воробьев В.В. 1959. *Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки)*. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 146 с.

Козьмин Н.Н. 1924. *Бурят-Монгольская Республика – Область*. Доклад председателя секции по районированию при Госплане БМАССР. Иркутск, 53 с.

Мерцалов В.И. 2008. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1841–1895). – *Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права*, № 3. С. 26–33.

Мерцалов В.И. 2012. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.). – *Вестник Читинского государственного университета*, № 5(84). С. 3–10.

Солдатов В. 1912. *Железнодорожные поселки по Забайкальской линии*. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. Вып. II. Т. V. Ч. 1. СПб.: тип. АО «Слово», 327 с.

Старцев А.В. 2003. *Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 308 с.

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна –

к.и.н., доцент; доцент кафедры государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасский политехнический институт) им. М.И. Платова.

346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

p_k_t_v@mail.ru

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В ЮЖНОРОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

EMERGENCY AUTHORITIES IN THE SOUTHERN RUSSIAN VILLAGE IN THE EARLY 1920s

В статье анализируется практика существования временных властных структур, выполнявших роль переходных органов власти и способствовавших укреплению позиций большевиков в деревне. В условиях перехода от войны к миру чрезвычайные формирования обеспечили создание социальных предпосылок для складывания советских органов власти на местах.

Ключевые слова: бандитизм, земледельцы, историография, органы местного самоуправления, посевные комитеты, революционные комитеты, села, советы, станицы

The article analyzes the practice of existence of temporary authority structures, which performed the role of transitional authorities and strengthened the position of the Bolsheviks in the countryside. Emergency institutes promoted creation of social preconditions for forming the local Soviet authorities in conditions of transition from war to peace.

Keywords: banditry, farmers, historiography, local self-government, sowing committees, revolutionary committees, village councils, Cossack villages

По мере того, как победоносная Красная армия устанавливала контроль над территориями Дона, Кубани, Ставрополя, здесь заново формировались большевистские партийные комитеты и советские